

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)6

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2019 г. И. В. Романова

г. Смоленск, Россия

**ТЕРНОВА Т. А. ФЕНОМЕН МАРГИНАЛЬНОСТИ
В ЛИТЕРАТУРЕ РУССКОГО АВАНГАРДА
ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX В.**

ВОРОНЕЖ, 2018. 440 С. ISBN 978-5-4420-0716-9

[Рецензия]

Информация об авторе: Ирина Викторовна Романова — доктор филологических наук, профессор, Смоленский государственный университет, ул. Пржевальского, д. 4, 214000 г. Смоленск, Россия. E-mail: irina.romanova@bk.ru

Дата поступления статьи: 07.03.2019

Дата публикации: 28.09.2019

Для цитирования: Романова И. В. Тернова Т. А. Феномен маргинальности в литературе русского авангарда первой трети XX в. Воронеж, 2018. 440 с. ISBN 978-5-4420-0716-9 [Рецензия] // Вестник славянских культур. 2019. Т. 53. С. 289–295.

© 2019. Irina V. Romanova

Smolensk, Russia

**TERNOVA T. A. THE PHENOMENON OF MARGINALITY
IN THE LITERATURE OF RUSSIAN AVANT-GARDE OF THE
FIRST THIRD OF THE 20TH C.**

VORONEZH, 2018. 440 P. ISBN 978-5-4420-0716-9

[Review]

Abstract: The monograph under review deals with the analysis of marginality as a defining creative principle of the Russian literary avant-garde. This principle is based on the change of axiological and artistic priorities and establishment of pluralism as a universal characteristic of the world perception of the first third of the twentieth century. The author distinguishes between avant-garde and avant-gardism on the principle of separation of pathos of destruction and pathos of creation. Thence a fresh look at the composition and scope of the Russian avant-garde is proposed. The phenomenon appears in its entirety of not only central, but also peripheral figures, their theoretical search and practical experiments in the field of poetics. The study for the first time has introduced into scientific discourse a number of unexplored authors — representatives of innovative art. Marginality, realized in artistic texts, is considered on a wide material of the authors of both the first and second row, as well as at different levels: genre, anthropological, general cultural. The paper convincingly shows how the worldview

principles materialize themselves in the poetics of the unpreparedness, which manifests itself in the physiology of the artistic picture of the world, in the myth of the first creation, the emphasis on the future time, in the change of the paradigm of cultural universals. Consideration of the opposition of avant-garde and neoclassical allows to bring the problem of marginality in the anthropological context. This view makes it possible, in particular, to oppose acmeism and imagism and to prove the latter's bias towards the art of avant-garde. The marginality of the avant-garde is consistently considered on the examples of the relationship between the poet and the crowd, as well as in the context of the motives and images of buffoonery, madness, suicide dominating in the poetry of the avant-garde. Scrupulous analysis of genre- and book-making within the Russian avant-garde constitutes a separate part of the study.

Keywords: Russian literary avant-garde, avant-gardism, marginality, text-building, genre formation.

Information about author: Irina V. Romanova — DSc in Philology, Professor, Smolensk State University, Przhhevsky St. 4, 214000 Smolensk, Russian. E-mail: irina.romanova@bk.ru

Received: March 03, 2019

Date of publication: September 28, 2019

For citation: Romanova I. V. *Ternova T. A. The phenomenon of marginality in the literature of Russian avant-garde of the first third of the 20th c. Voronezh, 2018. 440 p. ISBN 978-5-4420-0716-9 [Review]. Vestnik slavianskikh kul'tur, 2019, vol. 53, pp. 289–295. (In Russian)*

Русский авангард — одно из самых активно изучаемых культурных и литературных явлений. Можно выделить следующие основные тенденции в рассмотрении авангарда:

- через призму культурных и философских доминант, самоощущения человека (например, А. Е. Матявина рассматривает это эстетическое явление как форму проявления ощущения свободы, доходящего до нарциссизма; как переосмысление идеи смерти в направленном в будущее искусстве; как форму новой религии [4]);
- в контексте семиотики, в стремлении вычленить единый код современной культуры, когда авангард рассматривается не только как образ творчества, но и как образ жизни и мышления, причем на самом широком национальном и разноразличном материале [7];
- в мировом культурном контексте, как глобальный системный художественно-идеологический комплекс XX в., отражающий изменения в картине мира нового столетия, во всем многообразии разноуровневых проявлений: художественных, социальных, идеологических, научных [3];
- в историко-литературном аспекте — в противопоставлении неоклассике и символизму, от корней до перспектив развития в андеграунде и постмодерне, во всем многообразии литературных объединений, национальных специфик, в описании особенностей его идиолекта [2; 6], в процессе эволюции от слова — через молчание (в том числе условное молчание зауми) — к жесту [5];
- специализация авангардного искусства, его направленность на конкретную читательскую аудиторию, например, детскую [9]. Надо сказать, что детская аудитория оказалась самой подготовленной для восприятия авангардного искусства,

а сама по себе детская литература — зачастую единственно возможным адресом официальной прописки писателя с необычной эстетикой в период диктатуры советской власти;

- проекция теории и практики авангарда на науку о литературе, реконструкция русского формализма [8] и т. д.

До сих пор не утихающие споры об определении авангарда, его доминирующих признаков, хронологических границ, состава авторов, о необходимости различать авангард и авангардность свидетельствуют об очевидной актуальности темы монографии Т. А. Терновой, подготовленной в рамках проекта «Эстетическая новизна и литературность как проблемы теории и творческой практики XX века: авангардизм 1920–1930-х гг. и постмодернизм 1970–1980-х гг.», поддержанного РФФИ. Выводы, к которым приходит автор, затрагивают фундаментальные проблемы осмысления авангарда как культурного явления, что обуславливает несомненную теоретическую новизну исследования.

Точным и концептуальным является объяснение специфики авангарда через «маргинальность». Это понятие настолько емкое, что вмещает в себя и антропологический аспект (включающий литературный быт, особенности самоидентификации и самопрезентации автора, осмысление взаимоотношения эмпирической действительности и художественной реальности, характер противостояния элитарной и массовой культур), и поэтическую стратегию на разных уровнях — поэтики жанра, выбора образа лирического субъекта, основных концептов и т. п.

Революционным нам представляется пересмотр состава русского авангарда. На основании выделения и анализа признаков мировоззрения и поэтики авангарда Т. А. Тернова принципиально разделяет понятия авангарда и авангардизма. Первый строится на пафосе разрушения, второй — на пафосе созидания и творчества. В рамках футуризма его мэтр В. Хлебников оказывается тяготеющим к полюсу авангардизма. Т. А. Тернова убедительно доказывает принадлежность имажинизма к поздним волнам авангарда, наряду с экспрессионизмом, люминизмом, конструктивизмом, ничевоками, биокосмистами и фуистами. Вместе с тем в силу аксиологической ориентации эгофутуризм, а также «гилейцы» В. Каменский и Е. Гуро исключаются из авангарда как тяготеющие к модернизму.

Т. А. Тернова пересматривает традиционное представление об авангарде как о культуре отрицания. Она последовательно доказывает, что процесс художественного созидания не противоречит принципам авангардистов, просто он смещает акценты от культуры в сторону цивилизации, от профетической функции поэта к проективной и т. д.

Впечатляет объем материала исследования и скрупулезный подход к нему с позиций историка литературы. Наряду со знаковыми фигурами русского авангарда (В. Хлебников, А. Крученых, В. Маяковский, Б. Пастернак, И. Северянин и др.) Т. А. Тернова обращается к широкому кругу малоизученных авторов (Д. Бурлюк, Б. Земенков, И. Игнатъев, Б. Лапин, Ф. Платов, А. Туфанов, Л. Чернов), а также впервые вводит в научный оборот целый ряд представителей передового искусства (Б. Дерптский, А. Краевский, Р. Рок, С. Спасский), осознавая высокую значимость писателей второго ряда, литературной «периферии» для адекватного отражения всех тенденций литературного процесса. В результате исследования Т. А. Терновой русский авангард первой трети XX в. предстает во всей полноте его состава, «ядерных» и «периферийных» теоретических поисков и практических экспериментов в области поэтики. Чрезвычайно важно, что

в качестве источников текстов Т. А. Тернова использовала наряду с собраниями сочинений и републикациями прижизненные издания начала XX в., с которыми авторы и их книги первоначально входили в сознание читателей и критики, становясь фактами литературной жизни. В случае с представителями авангарда это имеет принципиальное значение, потому что они уделяли большое внимание графическому оформлению книги и нюансам организации текста, которые, как правило, к сожалению, утрачивались при републикациях, искажая авторскую концепцию. Известный пример — история «Сестры моей жизни», сразу выдвинувшей Пастернака на одно из первых мест в поэзии. Тем не менее в силу разных обстоятельств после выхода в 1922 г. она не была опубликована в первоначальном виде, без тире в названии, с прозаическими вставками и сложной, продуманной организацией оглавления, указывающей на три уровня организации материала. Т. А. Тернова приводит аналогичные случаи (например, установка на интуитивное восприятие искусства отражена в издании В. Гнедова 1913 г., где словосочетание «Поэма Конца» было набрано тем же шрифтом, что и прочие подзаголовки).

Исследование Т. А. Терновой четко, логично структурировано, выстроено по принципу перехода от описания плана содержания феномена маргинальности к системному изложению плана выражения — способам и приемам воплощения этой идеи на разных уровнях структуры текста у разных литературных группировок и отдельных авторов.

В первой главе «Мировоззренческий аспект маргинальности в литературе авангарда первой трети XX века» Т. А. Тернова принципиально по-новому, как нам представляется, осмысливает поэтику неготовности как доминирующий фактор авангардного искусства. Он распространяется на мировоззрение и выражается в предельной «телесности» и физиологичности картины мира. Эти представления воплощаются в многочисленных мотивах беременности и рождения, к которым примыкают мотивы рождения и строительства языка и «неготовности» текста, с другой — в особом значении категории времени, в акценте на будущем, на периоде ожидания глобальных перемен, включающих и экзистенциальную проблему перехода из жизни в смерть. Такой взгляд на мир способствует мифотворчеству, доминантой в котором становится миф о перво-творении, по-разному переосмысливающий отношения с прошлым и строящий свою концепцию либо на разрушении былой целостности, либо на творении новой.

Необходимо отметить важную часть исследования, в которой неготовность как одна из форм маргинальности усматривается также в переосмыслении роли центра и периферии, в изменении представлений о статусном положении вечных культурных универсалий, на смену которым приходят временные универсалии цивилизации. К последним Т. А. Тернова обоснованно относит *авто, аэроплан, поезд, трамвай, телеграф, телефон, синема*. В этом ряду подчеркивается особая увлеченность авторов темой авиации, ставшей поводом для активного словотворчества. Не вызывает никаких сомнений, что они являются знаковыми элементами художественного мира авангарда, убедительно показаны их функции в текстах, исключая мифологизацию. Весьма перспективно было бы, на наш взгляд, сравнить, в чем указанные универсалии в интерпретации представителей авангарда отличаются от акмеистических — трамвая, телефона, кинематографа, автомобиля (например, «Заблудившийся трамвай» и «Телефон» Гумилева автор комментирует как порождение мистических смыслов, однако есть еще, например, «Еще далеко мне до патриарха...», «Два трамвая», «Автомобилище», «Кинематограф», «Телефон», «Примус» Мандельштама и др., где функция универсалий цивилизации другая). Вместе с тем известны интерпретации «Заблудившегося трамвая» и в контексте прогресса цивилизации — как стихотворения о водородной бомбе [1].

Тонким нам представляется замечание о специфике взаимоотношений авангарда и массовой культуры: авангард борется с массовой культурой, пользуясь ее языком для выражения некоторых собственных эстетических схем.

Вторая глава «Антропологический аспект маргинальности в литературе русского авангарда первой трети XX в.» осмысливает маргинальность в антропологическом ключе в противостоянии неоклассикам. Именно в этой главе доказывается ключевая в исследовании идея особой значимости футуризма для эволюции искусства. Здесь выделяются две модели, противопоставленные по принципу разрушения/созидания, — авангардная и авангардистская. В контексте традиции «литературных памятников» осмысливается роль поэта, в котором в представлении футуристов соединяются пророческая и проективная функции. Это обусловлено основным вниманием футуристов к мотивам пророчества о новом мире и одновременно его творения, а вместе с тем творения нового текста, искусства. Отдельное внимание Т. А. Тернова справедливо уделяет книгоиздательской деятельности футуристов, рассматривая ее в неразрывной связи с принципами поэтики.

Наиболее оригинальными по методу исследования и фундаментальными по его результатам нам представляются выводы о принципиальном разграничении имажинизма и акмеизма на основании автометаописательной стратегии по специально выделенным критериям, определяющим взаимоотношения текста и метатекста. Анализ текстов А. Мариенгофа, В. Шершеневича и др. показал основную тенденцию, позволившую автору заявить о тяготении имажинизма к авангарду: абсолютизация маргинальности, когда текст-центр и метатекст-периферия меняются местами, метаописательные фрагменты получают статус сюжетобразующих и начинают определять и образ субъекта речи, и композицию произведения, и его стиль. Если говорить о частностях, характеризующих авангардную сущность имажинизма, то речь идет о превалировании формы над содержанием, интересе к внутренней форме слова, остранении в форме смещения акцента с мира на субъект, восприятию искусства и реальности как противоположных сфер, познание видится как линейный процесс с выходом в смерть и т. п. Специфику экспрессионизма Т. А. Тернова усматривает в возведении эмоции (в отличие от слова у футуристов) в разряд активного миропреобразовательного начала.

Далее маргинальность авангарда последовательно рассматривается на примерах взаимоотношений поэта и толпы (на уровне темы текста, эпатажа читателя, обращения к социальным темам и в книгоиздательской практике), а также в контексте доминирующих в поэтике авангарда мотивов и образов: шутовства, безумия, самоубийства. Маргинальное положение поэта в авангардной картине мира, его непохожесть на остальных интерпретируется как результат освоения абсурдности мира и выражается в ироническом и циническом дистанцировании от эпохи.

Научная ценность третьей главы «Основания и источники авангардного текстостроения» заключается в следующем.

- 1 Специфика футуризма, имажинизма и экспрессионизма определяется на основании анализа эмоциональности и способов ее выражения на уровне авторско-читательской коммуникации, эмотивной лексики в текстах, образа лирического героя. Футуристы, отрицая эмоции по отношению к прошлому, направляют их на настоящее и будущее — творящего субъекта и слово. Это обстоятельство активно порождает словотворчество, заумный язык. Имажинисты разводят сферу эмоций в жизни и конструирование эмоций в искусстве по принципу текстостроения.

- 2 Рассматривая проблему памяти в авангарде, Т. А. Тернова опровергает расхожий стереотип, в рамках которого авангард мыслится как полный разрыв с традицией, с предшествующей культурой. Вместо этого она предлагает рассматривать способ освоения культуры прошлого авангардом через снятие литературных иерархий в рамках классической и современной, национальной и массовой культур.
- 3 В главе подробно рассмотрено творчество малоизученных авторов Б. Земенкова, А. Краевского, А. Туфанова, И. Зданевича, А. Кусикова, Л. Чернова, И. Соколова и др. Отдельную ценность представляет реконструкция литературной ситуации в Воронеже в 1920-е гг. и анализ деятельности воронежских имажинистов Н. Задонского, Б. Дерптского. Убедительно показано, что имажинизм сыграл важную роль в постфутуристическом авангарде.

Разносторонний анализ маргинальности русского авангарда изящно венчает характеристика экспериментов в области маргинальных жанров в четвертой главе «Модели маргинального жанрообразования в русском авангарде футуристической линии». Обращение к поэтике жанра чрезвычайно важно в таком всеобъемлющем исследовании авангарда, ибо признаки жанра являются признаками доминантными (по Ю. Н. Тынянову), подчиняющими себе остальные аспекты поэтики произведения. Т. А. Тернова опирается на классификацию жанровых образований, предложенную Н. Л. Лейдерманом (антижанр, фрагмент, новые жанровые модели). Пафос всех эстетических поисков авангардистов состоит в размытии жанровых границ, обращении к архаической культурной традиции, всему тому, что ощущается как маргинальность по отношению к традиционной системе. Но и такое обращение предполагает трансформацию жанрового канона. Это ярко показано на примере широкого охвата авторов и текстов. Оригинально рассмотрена традиция басни. В качестве примеров антижанра выступают частушка и молитва. Фрагмент справедливо рассматривается в свете проблемы коммуникации, как форма, адекватно передающая сложный образ мира с распавшимися связями, а также в связи с заумным языком. Верность А. Мариенгофа форме фрагмента является еще одним аргументом в пользу отнесения его к авангарду.

Среди новых жанровых моделей Т. А. Тернова обнаруживает два противоположных типа: доработка уже существующих моделей и демонстративный поиск новых путей. Ко второму типу автор относит опусы, поэмы, эскизеты в опыте футуристов, «Роман без вранья», «поэму причащения», «поэму прозрения», «неизбежную поэму», «поэму меня» в опыте имажинистов. Этот творческий аспект, подробно проанализированный, является областью подлинного новаторства и авторов, и исследователя. Особенно ценным в силу своей новизны и неисследованности нам представляется анализ новых жанровых образований в творчестве А. Кусикова. В качестве оригинального переосмысления традиционных жанров Т. А. Тернова рассматривает сонет-послание и балладу.

Работа изобилует примерами тонкого, глубокого многоуровневого анализа очень большого количества текстов. Практическая значимость исследования заключается в перспективах сопоставительного изучения авангарда и других литературных направлений и школ всего XX в. и вплоть до современности по выделенным в монографии критериям.

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть несомненную заслугу Т. А. Терновой в последовательном воспроизведении картины мира русского авангарда, определении его состава и перспектив развития, аргументированном представлении имажинизма как неотъемлемой части авангардного движения постфутуристического периода,

в обнаружении и последовательном описании своеобразия авангардной поэтики на разных уровнях — от поэтической фоники до жанровых образований, сверхтекста и мировоззрения в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Баевский В. С. Стихотворение Николая Гумилева о водородной бомбе // Звезда. 2009. № 4. С. 217–223.
- 2 Васильев И. Е. Русский поэтический авангард XX века. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1999. 320 с.
- 3 Гирин Ю. Н. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 400 с.
- 4 Матявина А. Е. Художественный авангард и образ культуры XX века: дис. ... канд. филос. наук. М., 2004. 157 с.
- 5 Мильков Д. Э. Русский литературный авангард: поэтика жеста (символизм — футуризм — ОБЭРИУ): дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 102 с.
- 6 Никольская Т. Л. Авангард и окрестности. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2002. 320 с.
- 7 Семиотика и авангард / под ред. Ю. С. Степанова. М.: Академический проект; Культура, 2006. 1168 с.
- 8 Ханзен-Леви А. Оге. Русский формализм. М.: Языки славянской культуры, 2001. 672 с.
- 9 Штейнер Е. С. Авангард и построение нового человека: Искусство советской детской книги 1920 гг.: дис. ... д-ра искусствоведения. М., 2002. 252 с.

REFERENCES

- 1 Baevskii V. S. Stikhotvorenie Nikolaia Gumileva o vodorodnoi bombe [Nikolay Gumilev's poem about the hydrogen bomb]. *Zvezda*, 2009, no 4, pp. 217–223. (In Russian)
- 2 Vasil'ev I. E. *Russkii poeticheskii avangard XX veka* [Russian poetic avant-garde of the 20th century]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo UrGU Publ., 1999. 320 p. (In Russian)
- 3 Girin Iu. N. *Kartina mira epokhi avangarda. Avangard kak sistemnaia tselostnost'* [World view of the avant-garde era. The avant-garde as a systemic integrity]. Moscow, IWL RAS Publ., 2013. 400 p. (In Russian)
- 4 Matiavina A. E. *Khudozhestvennyi avangard i obraz kul'tury XX veka* [Artistic avant-garde and the image of culture of the 20th century: PhD thesis]. Moscow, 2004. 157 p. (In Russian)
- 5 Mil'kov D. E. *Russkii literaturnyi avangard: poetika zhesta (simvolizm — futurizm — OBERIU)* [Russian literary avant-garde: poetics of gesture (symbolism — futurism — OBERIU): PhD thesis]. St. Petersburg, 2000. 102 p. (In Russian)
- 6 Nikol'skaia T. L. *Avangard i okresnosti* [Avant-garde and the surroundings]. St. Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbakha Publ., 2002. 320 p. (In Russian)
- 7 *Semiotika i avangard* [Semiotics and avant-garde], edited by Iu. S. Stepanova. Moscow, Akademicheskii proekt Publ., Kul'tura Publ., 2006. 1168 p. (In Russian)
- 8 Khanzen-Leve A. Oge. *Russkii formalism* [Russian formalism]. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2001. 672 p. (In Russian)
- 9 Shteiner E. S. *Avangard i postroenie novogo cheloveka: Iskustvo sovetskoi detskoi knigi 1920 gg.* [Avant-garde and building of a new man: the Art of the Soviet children's book of 1920: PhD thesis]. Moscow, 2002. 252 p. (In Russian)